
Э. МАЛЭК

Образы ангелов в древнерусской письменности

(ангелы грозные, тихие и милостивые)

Крещение Руси князем Владимиром в 988 г. положило начало процессу усваивания восточными славянами сложной доктрины и символики христианской религии с такими понятиями, как Св. Троица, Преображение, Воскресение, заповеди Господни, небо и ад, добродетель и грех и т. д. и т. п.

Среди «героев» библейских рассказов, с которыми уже на заре христианства мог (и должен был) познакомиться древнерусский читатель (слушатель, участник литургии), видное место занимали бесплотные существа, которым было отведено место между Создателем и людьми, т. е. ангелы. На страницах библейских книг ангелы как вестники, посланные Богом в мир людей сообщить им о Воле Господней, появляются свыше 300 раз.¹

Житель древнего Киева, Новгорода Великого, Суздаля, а позже Москвы и других местностей мог познакомиться с образами ангелов и по текстам популярных апокрифов (ср. хотя бы Хождение Богородицы по мукам), а также по сочинениям отцов Церкви, среди которых на первом месте следует поставить византийского писателя V—VI вв. Псевдо-Дионисия Ареопагита, автора трактата О небесной иерархии, в котором он подробно описал иерархическую систему 9 чинов ангельских, состоящих из 3 триад.²

Немаловажную роль в формировании зрительных представлений жителей Киевской и Московской Руси об ангелах сыграли многочисленные произведения монументальной и станковой живописи, а также книжные миниатюры, на которых часто изображались библейские сцены с участием ангелов (например, сцена изгнания Адама и Евы из рая, так называемая Ветхозаветная Троица, Благовещение, Успение, Вознесение, Крещение); архангелы Михаил и Гавриил входили в композицию деисуса, составляющую важнейшую часть иконостаса.

---

¹ Свообразный «реестр» ангельского вмешательства в жизнь библейских персонажей находим в Вертограде многоцветном Симеона Полоцкого Ср Simeon Polockij Vertograd mnogocvetnyj Vol I «Aaron» — «Dětem blagoslovenie» / Ed by A. Hippisley and L. I. Sazonova with a Foreword by D. S. Lichačev Köln, Weimar, Wien, 1996 P 30—41

² Ср Св Дионисий Ареопагит О небесной иерархии 6-е изд М, 1893

В иконописи наиболее распространены изображения ангелов первого чина: херувимов, серафимов и престолов, а также архангелов и ангелов. Образ архангела Михаила, ставшего покровителем русских князей и царей (как предводитель небесного воинства он изображался на воинских доспехах), появлялся на княжеских и царских шлемах и боевых знаменах, ему посвящались многочисленные церкви и монастыри,³ слагались молитвы (автором одного из канонов архангелу Михаилу, как установил Д. С. Лихачев, был сам Иван Грозный),⁴ о них рассказывала также Повесть временных лет (ср., например, статью под 6619 (1111) г. о битве Владимира Мономаха с половцами, сопровождаемую обширной выпиской об ангелах из Хроники Амартола со ссылками на Иоанна Златоуста и Библию).

Нельзя забывать и о том, что значительный вклад в формирование представлений об ангелах внесла церковная музыка (богодухновенное ангелогласное пение), которая пыталась подражать с помощью человеческого голоса пению херувимов.⁵ Факт этот нашел отражение и в памятниках словесности. В некоторых древнерусских (а также в фольклорных) текстах ангелы изображаются стоящими на клиросе и поющими или слушающими херувимскую песню.⁶

В кратком выступлении, разумеется, невозможно не только исчерпать, но и достаточно полно очертить заявленную тему, поэтому мы остановимся лишь на тех текстах древнерусской письменности, героями которых будут ангелы, посланные Богом с целью разлучить душу с телом.

1. Ангелы грозные и тихие

Церковь, пытаясь наставить людей на добрый путь, ведущий в Царство Небесное, не только устрашала прихожан жуткими картинами ада и сценами Страшного суда (они налицо как в канонических, так и апокрифических сочинениях, в монументальной и станковой живописи; ср. грандиозную по размерам фреску из собора Николы на Ярославовом дворище в Новгороде (1113), устрашающие апокалиптические сцены из церкви Спаса на Нередице (1198), а также многочисленные иконы и книжные миниатюры на этот сюжет), но и показывала как можно более наглядно, что жизнь человека протекает при непре-

³ Например, княжеский придворный храм в Смоленске (1191—1194) и Архангельский собор Московского Кремля (1505—1509) — усыпальница русских царей

⁴ См. Лихачев Д. С. Канон и молитва Ангелу Грозному воеводе Парфения Уродивого (Ивана Грозного) // Рукописное наследие Древней Руси (по материалам Пушкинского дома) Л., 1972 С. 10—27

⁵ Ср. Владышевская Т. Ф. Богодухновенное, ангелогласное пение в системе средневековой музыкальной культуры (Эволюция идеи) // Slavica Orientalis 1989 N 3—4 S 351—369

⁶ «Церковные певцы своим пением как бы символизировали ангелов, поэтому церковный хор назывался ликом, подобно ангельскому лику. Церковное пение должно было звучать возвышенно, небесно < > К достижению эффекта ангелогласного пения были направлены все средства художественной выразительности — мелодия, лад, ритм» (Там же S 362)

танном и деятельном участии ангелов, которые сопутствуют человеку и в момент его смерти.

Понимая, что кончина, переход человека из «этого» мира на тот свет, момент расставания души с телом принадлежат к самым значимым в картине мира, церковные писатели много внимания уделяли этому важнейшему моменту человеческой биографии. Поэтому одним из самых популярных мотивов христианской письменности стал мотив борьбы ангелов с бесами за душу умирающего человека.

Рассказы, построенные на этом мотиве, попали на Русь почти сразу после крещения. Так, например, в составе Синайского патерика, древнейший список которого (ГИМ, Синод. собр., № 551) датируется рубежом XI—XII вв., читается между прочим Слово 304: Спор ангелов и бесов о душе монахини-блудницы, в котором появляются образы ангелов, борющихся за душу покаявшейся грешницы. В переводе на современный русский язык оно звучит следующим образом:

Рассказал один отец.

В Солуни был девический монастырь. И одна из монахинь по вражьему наущению сбежала и впала в блуд.

И несколько лет она жила в блуде. И опомнилась, ибо Бог печется о покаянии. И пошла в свой монастырь. Дошла, упала у ворот и умерла.

И Бог явил ее смерть одному епископу. Он видел, как святые ангелы пришли за душой, и за ними бесы, и стали спорить с ангелами. Ангелы говорят: «Она покаялась». А бесы: «Она на нас работала столько лет и теперь наша. И не успела войти в монастырь — как же вы говорите, что она покаялась?».

Ангелы отвечают: «А так, что увидел Бог ее мысли и преклонил к ним слух, и принял ее покаяние. Покаянием своим она владела, как решила это в душе, а жизнью Владыка Бог владеет».

И тут бесы, посрамленные, разбежались.

Будем же блюсти себя. Ведь не знаем мы, когда нас возьмет смерть и сумеем ли мы тогда начать покаяние.⁷

В приведенном Слове налицо своеобразная композиционная модель текста, целью которого является поучение посредством примера, почерпнутого из жизни. О необычном, чудесном происшествии, участниками которого были ангелы, повествует рассказчик А, ссылаясь при этом на достоверного свидетеля (рассказчика Б), которому правду о смерти блудницы открыл сам Бог. Рассказчик А завершает приведенный рассказ непосредственным обращением к слушателям (читателям), говоря: «Будем же блюсти себя. Ведь не знаем мы, когда нас возьмет смерть и сумеем ли мы тогда начать покаяние». Таким образом призывает всех (не исключая самого себя) неотлагательно начать подготовку к смертному часу. Рассказанный пример (exemplum) вселяет некоторую надежду на то, что ангелы будут бороться и за душу каждого, но одновременно указывает на необходимость личного почина, который впоследствии может стать одним из аргументов в споре ангелов с бесами.

---

⁷ Цит. по: Седакова О. А. Из «Синайского патерика» // «Aequinox»: Сб. памяти о. Александра Меня. М., 1991. С. 57.

Мотив борьбы ангелов с бесами появляется и в оригинальных произведениях Древней Руси. В качестве примера сошлемся на рассказ из Киево-Печерского патерика (нач. XIII в.), построенный по модели упомянутого выше Слова из Луга духовного. И здесь, подобно рассказу Синайского патерика, видение должно служить предостережением перед смертью в грехе (в состоянии греховности), хотя типы прегрешений могут меняться.

В Слове 22 (являющемся формально посланием епископа Симона к монаху Киево-Печерского монастыря Поликарпу, завидующему своему бывшему собрату) рассказчик напоминает факты из жизни черноризца Арефа, одержимого сребролюбием, который несправедливо обвинял братьев в краже своего золота и так сильно жалел о своей потере, что даже хотел лишиться себя жизни.

По малех же дньехъ, — пишет Симеон, — впадъ в недугъ лють, и уже при конци бьвъ, ни тако преста от роптаниа и хулы. Но иже всѣхъ Господь хотя спасти, показа ему аггельское пришѣствие и бесовьския полки, и начат ѥ звати «Господи, помилуй! Господи, съгрѣшихъ, — твое есть и не жало си» Устрабивъ же ся от болезни и сказаше нам явление «Егда, — рече, — придоша аггели, и видоша бѣси, и начаша истязатися о о украденномъ златѣ, и глаголаху бѣи «Яко не похвали, но похули, и се нашъ есть и намъ преданъ есть» И аггелямъ же глаголющимъ ко мне «О окоанный чловѣче! Аще бы еси благодарилъ Бога о сем, и се бы ти вменилося, якоже Иову Аще бо кѣто милостыню творит, — велие пред Богомъ есть, но своею волею сътвори, а взятое насилемъ, аще кто благодарит Бога, — боли милостыни есть хотел убо диаволь в хулу въврещи чловѣка, се сътворивъ, той же Богови все предасть, и сего ради паче милостыни есть съ благодарениемъ» Сиа аггелом рекшим ко мне, и азъ възопихъ «Господи, помилуй! Господи, прости! Господи, согрѣшихъ! Господи, твое есть, не жало си!» И ту абие бѣси изъчезоша, и аггели, възрадовавшася, и вписаше въ милостыню погыбшее сребро⁸

Персонафицированный рассказчик (Симеон) показывает, что иногда ангелы подсказывают человеку, как он должен вести себя, чтобы заслужить Царство Небесное, и как радуются вместе с ним, если тот даст им хоть небольшой аргумент в свою пользу. В цитированном примере ангелы подсказывают грешнику, что он должен сделать, чтобы заслужить Царство Небесное. Радость ангелов, которые записывают пропавшее серебро в милостыню, вызвана тем, что им удалось получить вещественные доказательства, которые можно представить на Страшном суде.

Подобный прием, т. е. введение рассказчика-слушателя, повествующего о видении (во сне) с мотивом борьбы бесов с архангелом Михаилом за душу некоего горького пьяницы, находим в Повести Никодима типикариса Соловецкого о некоем брате, созданной, по мнению О. А. Белобровой, в середине—второй половине XVII в.⁹ Здесь показана возможность избавиться от смертного наказания за грехи благодаря вмешательству архангела Михаила, который вырывает душу грешника из рук «темнообразных ефиоп, сиречь бесов» и, показав ему Царство Небесное и адские муки, заставляет его исправить свое поведение здесь, на земле, с тем чтобы за это получить спасение души.

⁸ Киево-Печерский патерик // БЛДР Т 4 XII век СПб, 1997 С 386, 388

⁹ Ср. Белоброва О. А. «Повесть душеполезна» Никодима типикариса Соловецкого о некоем брате // ТОДРЛ М., Л., 1965 Т 21 С 200—210

Однако наряду с ангелами, помогающими грешнику осознать свою греховность, ангелами, «вырывавшими» души грешников из бесовских сетей (они могут, как мы видели, являться как некое нерасчленимое множество, лик, но могут принимать облик одного из известных ангелов, чаще всего архангела Михаила, одной из функций которого была функция ангела смерти), в памятниках древнерусской письменности появляется также образ ангела грозного, карающего, немилостивого, ударяющего «пламенным копьём» нераскаявшегося грешника. С таким типом ангела встречаемся, между прочим, в 23-м Слове Киево-Печерского патерика, в котором Симон (рассказчик А) сообщает Поликарпу о внезапной смерти Евагрия, не пожелавшего примириться со своим больным братом Титом. И здесь самую важную часть составляет рассказ больного Тита (повествователь Б), приведенный рассказчиком-слушателем, о том, что Титу было видение. Сравним:

Вспросихомъ же Тита «Что створися?» Тит же сказаше нам, глаголя «Видѣхъ, — рече, — аггелы отступльша от менѣ и плачашуся о души моей, бѣси же, радующеса о гневѣ моемъ И тогда начах я молити брата, да простит мя Егда же его *приведосте* ко мнѣ, и видѣх аггела немилостива, дрѣжаща пламенное копие, и, егда же не прости мя, удари его, и падеся мертвъ, мнѣ же подасть руку и вѣстави мя» Мы же, сиа слышавше, убояхомся Бога, рѣкшаго «Оставьте — оставятся вам» Рече бо Господь «Всякъ, гнѣваяся на брата своего без ума, повинен есть суду» < >

Аще ли сий святыхъ ради Антониа и Феодосиа отрады не приметь лють челоувѣку тому сицевою страстию побеждену быти!

К Поликарпу От нея же и ты, брате, блюдися, да не дай же мѣста гнѣвному бѣсу ¹⁰

И этот рассказ содержит предостережение, увещание не грешить, быть верным заповедям Божиим и нравственным принципам, насаждаемым религией.

Образы грозных, немилостивых ангелов, стреляющих огненными стрелами в жителей Новгорода и наносивших им смертельные язвы, находим также в Видении хутынского пономаря Тарасия (Прохора)¹¹ из пространной редакции Жития Варлаама Хутынского (нач. XVI в.). Здесь они противопоставлены ангелам-хранителям, которые, проверив в книге повелений Божьих, что данному человеку еще не суждена смерть, окропляли его миром, снимая таким образом действие смертоносной язвы, нанесенной грозными ангелами.

Знаменательно, что образ грозного, немилостивого ангела смерти появляется и в произведениях, атрибутированных Д. С. Лихачевым Ивану Грозному. Важно при этом отметить, что в Каноне Ангелу Грозному воеводе (согласно поэтике жанра) речь идет не о ком-нибудь постороннем по отношению к субъекту высказывания (молящемуся), но о самом молящемся, о возможности быть взятым «грозным ангелом» в состоянии греха. В тексте Канона грозный ангел

¹⁰ Киево-Печерский патерик С 390 Традиция древнерусских назидательных рассказов о видениях, посредством которых ангел выявляет человеку правду, скрытую от его очей, в том числе и о споре ангелов и бесов из-за души умершего человека, сохранилась в рукописной традиции вплоть до наших дней Ср Пигин А В Видения потустороннего мира в рукописной традиции XVIII—XX вв // ТОДРЛ СПб, 1996 Т 50 С 551—557

¹¹ Ср ПЛДР Конец XV—первая половина XVI в М, 1984 С 419

характеризуется как тот, кто не преступит Божью заповедь, не ослушается повеления и исполнит его немедленно. «Царю небесному, Богу нашему угождаеши, славы не отпадаеши, и заповеди его не престаеши, и волю его твориши»,¹² — читаем в памятнике. Зная неумолимость грозного ангела к грешникам, автор Канона (он же молящийся) просит дать ему время покаяться и приготовиться на смерть (о том, что так поступали ангелы в некоторых других случаях, автор Канона мог знать по письменным источникам, в том числе и по упомянутым выше). Понимая всю свою греховность, он обращается также за помощью к Богородице, вопия: «Госпоже Богородице, дево, рожшия Царя небеснаго, смертоноснаго часа не минухся, избави душу раба своего имрек от сети ловящих».¹³

Из сказанного ясно, что представления Ивана IV о грозном, немилостивом ангеле, появляющиеся в его Каноне (а также, что было отмечено Д. С. Лихачевым, в Послании в Кирилло-Белозерский монастырь¹⁴), теснейшим образом связаны с предшествующей литературной традицией. В Каноне царя Ивана IV грозный ангел отождествляется с архангелом Михаилом, но в других памятниках такого отождествления может и не быть.

Популярность образа грозного ангела, немедленно наказывающего грешников, в древнерусской письменности, думается, непосредственным образом связана с эсхатологическим видением Страшного суда, формирующим сферу религиозной психологии Древней Руси.¹⁵ Стоит напомнить, что образ ангела с копьем (карающего) часто появлялся в древнерусской иконописи.

Небезынтересно в этой связи отметить, что в западноевропейской письменности образ грозного ангела, карающего человека в момент совершения греха, примерно с XIII в. вытесняется образом дьявола, которому иногда может сопутствовать огонь с небес (т. е. молния). «Ангел, наделенный качествами *putiposum*, ангел смертоносный, карающий, вселяющий боязнь, — пишет Войцех Броер, — не умещался в их (т. е. авторов — Э М) представлениях о божественных посланцах»¹⁶ На Руси же он не теряет популярности намного дольше, проникая, между прочим, в сложившиеся к концу XVI в. и получившие самое большое распространение в XVII столетии так называемые Синодики, в которых рассказы об исходе души и борьбе за нее небесных и адских сил очень часто сопровождались иллюстрациями.

В XVIII—XIX вв. образы ангелов, борющихся с бесами, часто использовались авторами лубочных картинок, изображающих смерть праведника и греш-

¹² Лихачев Д. С. Канон. С. 25

¹³ Там же. С. 23

¹⁴ Там, между прочим, читается следующее предостережение человеку, забывшему о смертном часе: «Предстанет бо ти напрасно все пагубство, и люта, яко же буря, придет ангел немилостив, отводя с нуждею, влекий душу твою, связану грехми, часто обращающуся к здешним и рыдающу без гласа». Цит. по Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье, Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М., Л., 1951. С. 171

¹⁵ Ср. Топоров В. Н. Авраамий Смоленский и «глубинные книги» // Русское подвижничество. М., 1996. С. 96—123

¹⁶ Brojer W. Aniol w wyobrazni chrzescijan do XIII wieku // Wyobraznia sredniowieczna. Praca zbiorowa pod red. T. Michałowskiej. Warszawa, 1996. S. 166—167

ника. Как показала Е. И. Иткина, они приобрели особую популярность в среде поморских старообрядцев, став героями многих рисованных лубков.¹⁷

Образы тихих и грозных ангелов смерти со временем проникли и в духовные стихи. Примером может послужить стих о смерти грешного богача: «Сослал ему Господь ангелов, / Не тихих, не смирных, не милостивых: / Вынули его душу сквозь ребра его, / Посадили его душу на копье, / Вознесли его душу высоко, / Посадили его душу прямо в ад».¹⁸ Духовные стихи знают также образ грозного Михаила-архангела, который отклоняет моление грешников о пощаде (такого, видимо, грозного ангела и опасался Иван IV).

Кажется очевидным, что образ грозного ангела следует соотносить с типом грозной, внушающей страх святости, которая, как показал С. С. Аверинцев, не допускает ни малейшего послабления, снисхождения к человеческим слабостям. Грозный ангел древнерусских текстов, подобно «грозному» святому, настолько требователен к себе и другим, что грешника, не соблюдавшего заповеди Божьи и церковные уставы, может покарать внезапной смертью.¹⁹ Он приходит «яко буря», действует быстро и неотлагательно.

2. Милостивый (жалостливый) ангел

Особого внимания заслуживают произведения древнерусской письменности и фольклора, героем которых является милостивый, жалостливый, сострадательный ангел. Авторы подобных сочинений умело использовали популярный в христианской письменности Востока и Запада мотив неисповедимых судеб Господних и мотив ангела смерти. Самая ранняя из известных в настоящее время письменных версий рассказа о сострадательном ангеле, известного под условным названием Повесть об ангеле, послушавшемся Бога,²⁰ возникла, по всей вероятности, в конце XVII столетия (хотя самые ранние копии этого памятника не старше начала XVIII в.²¹) Героем повести является ангел, посланный Господом за душой женщины, только что родившей близнецов. Тот, увидев ее в лесу с двумя девочками, которых она питает своей грудью, поражается строгости Божьего повеления и, вместо того чтоб, не раздумывая, разлучить душу женщины с ее телом, испытывает некоторое недоумение. Внутренний мо-

¹⁷ Иткина Е. И. Поморский рисованный лубок второй половины XVIII—начала XX века // Памятники русской народной культуры XVII—XIX вв. / Под ред. С. Г. Жижины. М., 1990. С. 96.

¹⁸ Цит. по Федотов Г. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991. С. 59.

¹⁹ Ср. Аверинцев С. С. Византия и Русь два типа духовности. Статья вторая // Новый мир. 1988. № 9. С. 231—235.

²⁰ В рукописях повесть получает разные названия. Так, например, в списке РНБ, собр. Погодина, № 1603 она названа «Повестью зело полезной о царе африкийском Асириане и о сыне его Клавдиносе како ангел Божий на земли во плоти был простым чернцем, месть от Бога восприя».

²¹ Ср. Демкова Н. С., Семякина З. П. «Повесть об ангеле послушавшемся Бога» (Из истории русской повести конца XVII—начала XVIII в.) // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII—начало XVIII в.). М., 1971. С. 128—159.

нолог ангела показывает, что он вначале как бы разбирает разные аргументы за и против. Первое, что приходит ему в голову, это то, что он послан выполнить Божью волю: «Воля пославшаго мя, а не моя», — скажет про себя. Но тут же добавит: «Какое аз разлучю душу от сея роженицы, понеже в пустыни сеи, а сия младенцы скверны и не крещены? Приидет кий зверь или гад, или птица исторгает, или гладом умрут, како ми за тыя души отвещати Господу моему? Аз повинен буду и ответ дати имам за душа их».²²

Бог, однако, прерывает размышления своего вестника, посылая на землю более «дисциплинированного» ангела, который без колебаний, свойственных первому посланнику, вынимает душу матери близнецов. Потом Бог наказывает ослушавшегося ангела: «И се абие, — сообщает рассказчик, — **отъяся благодать и чин той от перваго** ангела Божья, и бысть мних прост, яко плоть человека. И поиде ангел Господень по пути плачяся, толиких благ лишихся едином часом **милости ради**», —комментирует случившееся повествователь.

Необычность образа милостивого ангела особенно выпукло просвечивает на фоне образов тихих и грозных ангелов из рассмотренных выше текстов, из которых явствует, что ангел, разлучающий душу с телом, не мыслится как существо, которое может преступить волю Божью. В цитированном же произведении ему приписываются черты, свойственные, с одной стороны, возгордившимся людям (гордому царю, пустыннонику, сомневавшемуся в судах Господних или проверяющих Писание), т. е. людям, ставившим себя по меньшей мере наравне с Богом, мудрствующим, пытавшимся действовать вопреки Провидению,²³ с другой — черты, свойственные сострадательному человеку. Но мотивировка ангельского непослушания еще человечнее и приятательнее, чем мотивировка действий пустынноника или гордого царя: ангел Господень не выполняет поручения, сжалившись над новорожденными, так как он не желает погубить самых невинных из невинных. Здесь, правда, на первый план выдвигается опасение догматического характера (забота о душах еще некрещеных младенцев), но рядом с ним появляется и чисто человеческая мотивировка (например, страх перед голодной смертью). Иначе говоря, ангел рисуется автором повести (во всех ее разновидностях и вариантах) наподобие человека, который сомневается в Божьей справедливости, проявляет непослушание перед лицом трудных экзистенциальных ситуаций, ниспосланных Богом. Он проникается чувством жалости и любви к страдающему человеку и не желает быть слепым орудием в руках Господа. (Доведение до предела этой мысли налицо в одном из устных польских вариантов рассказа об ослушавшемся ангеле, в котором Бог посылает за душой родильницы ангела «глухого и слепого».)

В восточнославянских устных вариантах рассказа об ангеле догматическая мотивировка поведения жалостливого ангела тоже уступает место чисто чело-

²² Цит по Демкова Н С, Семякина З П «Повесть об ангеле » С 149

²³ Ср Ромодановская Е К Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX веков Новосибирск, 1985

веческой, вызванной состраданием к маленьким, брошенным на произвол судьбы детям (в письменном варианте, как мы говорили, она занимала второстепенное место, появляясь не в монологе ангела, но в комментарии рассказчика). Так, например, в одном из белорусских вариантов дети сами просят, чтобы ангел не отнимал у них матери.²⁴ А в одной из многочисленных русских версий ангел так мотивирует свое непослушание: «У той бабы, Господи, есть два малых младенца, чем же они станут питаться?».²⁵ Поведение милостивого ангела в устных вариантах рассказа еще более очеловечено, его понимание ситуации осиротевших детей, его забота о том, чем же они станут питаться, как будут жить без матери, не отличается от кругозора рассказчика, от его понимания добра и зла, человеческого горя и сострадания (и не случайно «бунт» ангела связан с отношением всемогущего Бога к слабейшим и невиннейшим из жителей земли — маленьким детям).

Разумеется, ангелы, борющиеся с бесами за душу человека, взвешивающие добродетельные поступки умирающего, готовые подсказать грешнику путь спасения и радующиеся каждой малейшей милостыне, которую они могут бросить на чашу весов, в какой-то мере ближе к милостивому, чем к грозному ангелу. Но с грозными ангелами их роднит (что может в данном контексте прозвучать как кощунство) своеобразный рационализм, отсутствие эмоционального подхода к объекту их действий (т. е. к человеку, к человеческой душе). В этом плане они могут быть противопоставлены милостивому ангелу, который руководится чувством жалости к страдающему человеку.

Это тем более интересно, если вспомним, что христианская традиция обходит молчанием проблему наличия или отсутствия чувств у ангелов, и только бл. Августин в своем «Civitas Dei» (кн. IX, 5) склонен приписывать ангелам чувства, контролируемые рассудком, да и то лишь такие, которые не приводят к душевному возбуждению. В письменных и устных вариантах рассказа об ангеле, послушавшемся Бога, рисуется ангел с чувствительным сердцем. Он, правда, потом просвещается Богом и понимает свою ошибку, но нигде не сказано, что он жалеет о своем выборе.

Грозные ангелы действуют быстро, как бы даже не думая, тихие — не спешат, любят заглянуть в книгу повелений Божьих, чтобы не допустить ошибки (или даже устранить «ошибку», совершенную грозными ангелами, как это имело место в житии Авраамия Хутынского), чтобы занести в нее факт, который поможет душе человека попасть в рай. Но и те и другие руководствуются разумом, не страстями. «Ангелы святые, — по мнению бл. Августина, — не испытывают <...> ни гнева, когда наказывают тех, кто подлежит наказанию с их стороны в силу вечного божественного закона, ни сострадания, когда спасают тех из находящихся в опасности, которых любят».²⁶ Они постоянно соотносят

---

²⁴ Federowski M. Lud białoruski na Rusi litewskiej. Kraków, 1897. T 1. S. 230, Krakow, 1902. T 2. S. 272—273.

²⁵ Ср. Народные русские легенды. Т. I. Легенды, собранные А. Н. Афанасьевым / Под ред. И. П. Кочергина. Казань, 1914. С. 157.

²⁶ Августин. Бл. О граде Божием. В 22 кн. М., 1994. Т. 2. С. 69.

жизнь временную с жизнью вечной, поэтому, например, тихий ангел может «плакать» о душе человека, попавшей в ад, в то время как милостивый ангел сожалеет о страдающем здесь и теперь ребенке (детях).²⁷

В изученных нами текстах словесные портреты ангелов почти отсутствуют. Читатель лишь узнает, что они посылаются с неба на землю, а потом улетают обратно на небо (или становятся невидимыми). Поэтому неизменным атрибутом ангельского чина являются крылья; наказывая послушавшегося ангела, Бог отнимает у него крылья (в устных вариантах — «обрывает» их). Более живописны портреты грозных ангелов, в облике которых подчеркивается устрашающая мощь и молниеносная быстрота движений. Иногда говорится, что они ходят (или парят) «в пламени огненном» и пугают людей, «крыле огнены имея и меч всяко страшен».

Симптоматичен факт, что анонимный автор рукописной Повести об ангеле, послушавшемся Бога, как бы испугавшись неправомерия своего героя, во второй части показывает его уже как ангела грозного (со всеми подобающими такому образу атрибутами). Видимо, образ ангела милостивого мог получить свою полную реализацию лишь в устных, неортодоксальных текстах.

---

²⁷ Образ ангела из второй части Повести об ангеле, послушавшемся Бога, строится полностью по модели грозного и немилостивого. Обращаясь к сестрам-близнецам, которых он встретил спустя 30 лет, ангел скажет « и вы будите готови всегда — в день и в ночь и на всяк час, яко тать прииду и не умедлю, уже к тому не пощажу, и неготовых застану вас, тако люте без милости разлучю душу от телеси вашего, яко хищник немилостивый!» (цит по Демкова Н С, Семякина З П «Повесть об ангеле » С 153)